

Синельникова Лара Николаевна (L. N. Sinelnikova), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (Луганск, ЛНР, Россия) (*Lugansk, Russia*); prof.sinelnikova@gmail.com

УДК 81'38

НЕДЕЛИМОЕ «МЫ» В ПОЭЗИИ КАК ОСНОВА РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В статье описан ряд характерных для поэзии когнитивно-дискурсивных моделей представления общности (совместности, единства) с помощью местоимения мы, инклюзивная семантика которого проявляет особенности русского культурного кода. Особое внимание автор обращает на роль поэзии в установлении и закреплении преемственных связей между поколениями.

Ключевые слова: общность, совместность, местоимение мы, инклюзивность, концептуальные репрезентации.

THE INDIVISIBLE "WE" IN POETRY AS THE BASIS OF THE RUSSIAN CULTURAL CODE

Abstract. The article describes a number of cognitive-discursive models of representation of community (compatibility, unity) characteristic of poetry with the help of the pronoun we, the inclusive semantics of which shows the peculiarities of the Russian cultural code. The author pays special attention to the role of poetry in establishing and consolidating continuity between generations.

Keywords: community, compatibility, pronoun we, inclusivity, conceptual representations.

*И во внезапной схожести с людьми
Открыл такое счастье единенья,
Что защемило сердце от любви,
Любви, похожей на благодаренье.
(В. Соколов)*

Поэтика местоимений сложилась в русле описания общих законов поэтического мышления и текстопорождения. В лирическом тексте местоимения могут самостоятельно формировать коммуникативно-прагматическую рамку, варьируя пространство взаимодействия лирического героя с разными объектами и субъектами. Выбор местоимений, их расположение в тексте, повтор, включение в структуры контраста или, напротив, использование для снятия смысловых противоречий – все это составляет содержание местоименной поэтики в её когнитивных характеристиках.

Каждый разряд местоимений обладает смыслообразующими возможностями, которые реализуются в целостности стихотворной структуры и проявляют себя в эмоционально-оценочной сфере поэтического дискурса. Когнитивная гибкость указательных местоимений ощутима в организации незаметного перехода от видимого к его перцептивной обработке, от физически очерченного пространства к бесконечному метафизическому.

Когнитивная значимость неопределенности организуется неопределенными местоимениями, с помощью которых проявляются разные виды знания о мире: недостаточно сформированное знание, скрываемое знание, знание без узуального языкового оформления.

С познавательной сферой связана семантика отрицательных местоимений, и лирический герой с их помощью может реализовать как состояние абсолютного отказа, так и состояние поиска новых смыслов.

Притяжательные местоимения представляют широкий круг принадлежности, маркируют социально и культурно значимые для лирического героя связи с миром людей и с миром вещей.

Основная когнитивная закономерность состоит в том, что лирическая дейктичность уравнивает материальные и идеальные сущности. (Подробное описание когнитивных моделей исходных местоимений в поэтическом дискурсе см. [5].)

Местоимение *мы* в системе личных местоимений занимает особое место: с его помощью реализуется когнитивно-этическая установка на общность, совместность, нераздельность как в межличностном общении, так и в общечеловеческом миропребывании. Представление об устойчивой общности определяется национальными традициями, особенностями национального характера. Лирический герой в поэтическом дискурсе проявляет себя как инклюзивная личность, то есть личность, реализующая все возможности взаимодействовать с Другим и Другими [7]. Местоимение *мы* обеспечивает в стихотворении культурно акцентированную инклюзивную среду.

Отношение к местоимению *мы* как к концепту основывается на понимании осуществляемого в стихотворении движения от значения к смыслу, к знанию о некой сущности, выходящей за пределы лексико-грамматической квалификации.

Любой концепт, будучи когнитивной структурой, формируется длительно, в нем в свернутом времени присутствует прошлое, с опорой на прошлое формируется настоящее и планируется будущее, обусловленное желанием не потерять достигнутое знание. Поэзия как носитель универсального кода памяти призвана передавать экзистенциально-жизнеустойчивое знание от стихотворения к стихотворению, от одного поколения к другому.

В русскую национальную культуру встроено представление о совместности, и общность воспринимается как естественное свойство бытия. Когнитивный модус времени в поэзии можно определить формулой И. Бродского: «...настоящему, чтоб обернуться будущим, требуется вчера».

В русле нашей темы подтверждением значимости «вчера» может быть «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Словопроизводство – один из способов закрепления знаний человека об окружающем мире. У Даля морфема *со-* представлена во множестве слов, каждое из которых включает сему неделимой общности: *собеседовать* (“быть обще с кем, чем-либо”), *соболезновать* (“сострадать, сочувствовать в горе, жалеть кого, сожалеть о ком, болеть сердцем”), *совозвышать* (“возвысить вместе”), *совоздвигать* (“воздвигнуть вместе”), *совозлежать*, “сопировать, сидеть за одной трапезой”), *сорыдать* (“рыдать или плакать вместе, по участию в горе), *сорадоваться* (“радоваться вместе, сообща”), *сострадать* (“страдать вместе, переносить муки сообща”). Некоторые значения исчезли, устарели, но приставка *со-* завоевала свою семантическую нишу в ценностной картине русского мира.

В лингвистической науке местоимению *мы* уделено значительное внимание. По названиям публикаций последнего времени можно судить о расширении аспектов рассмотрения этого прономена через актуализацию коммуникативно-прагматического подхода [3; 4], через применение когнитивно-дискурсивного анализа [6], апробацию методов интегрального описания русских местоимений [2]. В большинстве случаев типичные модели организации общения с помощью местоимения *мы* выявляются на основе текстов художественной прозы и публицистики. Специфика поэтического дискурса проявляется в референциальной непрозрачности местоимений, и местоимение *мы* в стихотворении может соотноситься с неограниченным и неопределенным числом референтов, что соответствует неисчислимости составляющих понятия «общность».

Над миром и над ближним прудом,
Над миром и за поворотом...
Нет, **мы** не думали про чудо,
Мы лишь предчувствовали что-то. (Л. Владимирова)

Только в поэзии возможно самореферентное описание местоимения, конструирование его семантики на основе личного рефлексивного опыта:

Что же такое
«мы»?
Мы – из лесов безбрежных.
Мы –
из блокадной тьмы.
Мы –
из стихов сгоревших.
Из невысоких изб.
Песенного всесилья.
Мы – из бессмертья.

Из
плоти твоей,
Россия!

.....

Глядя в лицо огня,
я говорю тревожно:
можно убить
меня.

Нас
убить невозможно! (*Р. Рождественский. Что же такое «мы» ?..*)

Концептуальные репрезентации *мы (нас)* в этом стихотворении представлены в виде предикативных структур, фиксирующих события из памяти в их образно-метафорическом выражении. *Мы* обеспечивает высокий уровень узнавания связей, на основе которых формируется общность. Стилистическая «высокость» языковых средств поддерживает экзистенциальную значимость совместности.

Поэзия фиксирует и закрепляет множество видов общности. Назовем наиболее частотные.

Мы событийное представляет группу людей (в том числе и самого лирического повествователя), испытывающих похожее эмоциональное состояние. Совмещающая дейктичность и обобщенность, местоимение *мы* способствует переходу от фиксации события к его оценке, которая воспринимается как истинная именно благодаря семантике общности – «мы все»:

Мы стихли, покоренные картиной,
Нас увлекла запутанная нить...

.....

Мы целым залом дружно негодуем.
Мы за добро! **Мы** вместе –
против зла!

.....

О, как **мы** вдруг всем залом
задрожали,
Когда на плот вскочил он:
ведь вовек
В толпе вот этой в темном кинозале
Плохой не находился человек. (*Е. Винокуров. Благородство*)

Для поэзии характерна антиномичность временного и вечного, и местоимение *мы* маркирует переход от сенсорной модальности к ментальному обобщению, которое объединяет всех:

Деревья растут в обе стороны –
кроной в небо
и корнями в глубь земли.
И **мы** привыкли к одной их половине...

Как много **мы** знаем о жизни
ветвей!
Как мало **мы** знаем о жизни
корней... (З. Валиев. *Корни и крона*)

Модальный сдвиг обобщения в сторону назидания переводит местоимение *мы* в дидактическую коммуникативную ситуацию, основанную на передаче собственного опыта лирического повествователя: «Ненадобно желать свиданий с теми, / Кого любили **мы** давным-давно» (И. Снегова).

Без объединяющего *мы* трудно представить возможность текстовой реализации многих культурных концептов. В когнитивную модель концептов «любовь» и «дружба» входят понятия «взаимность», «взаимодействие», «нераздельность», и местоимение *мы* оказывается базовым репрезентантом этих понятий. *Мы* в лирических стихах о любви – своеобразный путеводитель по пространству жизни и души лирического героя, наполненного любовью, помнящего любовь, находящегося в состоянии любви, переживающего окончание любви и многое другое:

Мы ведь друг друга пока не забыли.

Мы ведь друг друга еще не любили. (В. Костров. *Песня моя начинается молча*)

Мы расстаемся – и одновременно
овладевает миром перемена... (Б. Ахмадулина)

Мы, объединяющее двух любящих людей, чаще всего включается в перфектное лирическое описание, в котором *мы* из событий жизни переносится в «события» памяти, увеличивающие синергию духовности:

Позади, впереди и вокруг
Никого не докличешься... Что ж!
Острой свежестью прошлых разлук
День сегодняшней так же хорош.

И когда тебе скажут, что нет
Ни меня, ни тебя, ты не верь:

Мы с тобой выходили на свет

Через черные двери потерь. (Л. Владимирова. *Позади, впереди и вокруг...*)

Особой формой проявления общности являются адресованные поэтические жанры. В адресованном жанре посвящения местоимение *мы* организует семантику совместности на основе общей памяти, которая может включать события, оценка которых ретроспективно проявляет уровень близости людей. При этом смысловая совместность поддерживается эмоционально окрашенными языковыми средствами:

Туда, где росли **мы**, туда, где смотрели
в один застоявшийся воздух свирели,
туда, где услышать **мы** были должны
одну тишину от струны до струны...» (О. Седакова. *Сестре*)

Мы в иносказательном лирическом сюжете, оказываясь включенным в виртуальное событие, возможное в будущем, но представленное как свершившееся, оказывается носителем планируемой совместности. В стихотворении Ю. Кузнецова «*Фаэтон*» описывается общее для всех свершившееся будущее:

Планета взорвана – от ужаса
Мы разлетаемся во мрак.
Но все, что падает и рушится,
Великий ноль зажал в кулак.
Свистит былое и грядущее
В сосредоточенной горсти.
Он держит взорванное сущее
И голоса: – Не отпусти!

Высокой степенью инклюзивности обладает *мы*, включающее всех людей, живущих на земле:

Молчаливы иль языкаты,
За машинкою иль с пером,
Прокуроры и адвокаты,
Мы на этой земле живем. (Е. Винокуров. *Молчаливы иль языкаты...*)

Присоединяемая к *мы* выделительная частица *-то* подчеркивает общность «своего круга», обладающего неким знанием, которое достигнуто опытным путем и преподносится как непререкаемое:

Уж **мы-то** знаем: власть пуста, как бочка
с пробитым дном. Чего туда не лей,
не сыпь, не суй – не сделаешь полней
ни на вершок. Хоть полстраны – в мешок
да в воду, хоть грудных поставь к болванке,
хоть полпланеты обойди на танке – покоя нет.
Не снится ей покой. (О. Седакова. *Элегия, переходящая в реквием*)

Общность в русской культуре всегда коннотируется положительно. Эта этическая и мировоззренческая установка поддерживается в стихотворной речи стилистически, и инклюзивное *мы*, как правило, находится в окружении стилистически «высоких» слов:

...С приходом над дремным простором,
где в детстве крестили тебя,

и тамошним аввою в створах
таинственного алтаря,
со льдом иссякающих рек
мы связаны общею чашей
и общей просфорой навек. (Ю. Кублановский. *Когда роковая блещит...*)

Мы инклюзивное входит в экзистенциальные суждения, основывающиеся на архетипах, символических предикатах и других способах проявления философски отмеченной мысли лирического героя: «**Мы** у вечности в гостях / Ставим избу на костях» (Л. Миллер). «**Мы** – Пимены, хотя и с опозданием, /и воссозданье всех прошедших лет / не меньше, чем истории созданье (Е. Винокуров).

Время как социальный и жизненный ресурс включает поколенческую измеримость – деление общества на поколения. 20-й век поименован консолидирующими людей десятилетиями: шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники. Местоимение *мы* в каждом из десятилетий выступает в роли ценностного идентификатора времени. Стихотворение Лидии Григорьевой «Дебютанты семидесятых» – пример применения поэтического метода метафор, с помощью которого эмоционально-чувственное трансформируется в когнитивно значимое, и время событий превращается во время эпохи, и ключевую фразу «Мы жили в эпоху подтекста» можно считать эпитафией, объективирующей время:

Коль круто замешено тесто,
вовек калача не испечь.
Мы жили в эпоху подтекста:
натужна ненужная речь.
Поэзия стала бесцельной,
обильной, как хлеб дармовой.
Мы были как голос за сценой,
едва различимый, живой.
Стою я в рядах поредельх
ровесников в бедных пальто.
Свободны вполне. Но в пределах...
Безвестны пока. Но зато
ни горя, ни лесоповала,
уверенность в завтрашнем дне...
И «гибель всерьез» миновала.
И жизнь миновала вполне.

В современном социуме отношения между поколениями приобретают острый характер. Не случайно изучение проблем возрастной общности происходит в широком междисциплинарном контексте: биологи, антропологи, психологи, культурологи, акмеологи, социологи рассматривают разные подходы к теории поколения, анализируют условия межпоколенческих взаимодействий и причины конфликтных разрывов. Формируется исследовательское направление, связанное с оценкой поколенческих циклов как групп со своими ценностными ориентациями и жизненными стилями.

Мы поколенческое – социально значимый хронотоп. Граница между *мы* и *они* на определенном историческом этапе может приобретать признаки смены эпох, их культурного, мировоззренческого, этического и даже языкового наполнения [1]. В ситуации драматической смены культурного кода сохранную миссию выполняет поэзия, оставляющая память об уходящем поколении:

Летит душа за облачной грядюю,
Земля зовет, покоем плоть дразня...
А ведь **мы** были рощей молодою,
Мои подруги и мои друзья.
Как **мы** росли! Как **мы** листвою кипели!
В ответ на звук как были **мы** легки!
В ветвях у нас хмельные птицы пели.
В ногах у нас звенели родники.
Неправда! **Мы** не строились в колонну.
Мы жили разноцветьем душ и глаз.
Я потому вас помню поименно
И буду помнить, покидая вас.
Как много **мы**, родные, проглядели,
Как много **мы** предвидеть не смогли.
Нас вырубают. Как **мы** поредели,
Как медлит в капиллярах ток земли.
Но, устремляясь к вечному покою,
Не прокляну борения свои.
Мы были, были рощей молодою,
На наших ветках пели соловьи.
И эти песни **мы** не позабыли
На вырубке, где крик ночной совы.
Мы верили, боролись и любили.
И были **мы** счастливее, чем вы. (В. Костров. *Летит душа за облачной грядюю...*)

В поэзии базовые национальные ценности представлены в варианте «Мы вместе». Поэты призывают относиться к прошлому не как к ушедшему навсегда образу жизни, а как к жизненно важному и глубоко содержательному. *Мы* поколенческое объединило поэтов «обоймы военной» (А. Межиров), и диалог поэтов с молодым поколением организуется на основе памяти, которая, по условиям национального культурного кода, должна быть общей. Лирические сюжеты с таким *мы* воплощают ценности, ставшие для поэтов этого времени мерой вещей, критерием нравственности, носителем идеологии людей, для которых героизм, долг, способность к самопожертвованию были и остаются непререкаемой нормой. Поколенческое *мы* оказалось самым интимным хронотопом, свидетельствующим об общности людей, переживших то, что объединяет на всю жизнь:

Моего поколения люди, –
Сколько боли, потерь и утрат!..

И глаза, словно капельки ртути,
Все на месте никак не стоят.
Вот седины, вот мощные плечи...
Моего поколения люди,
Мы ушли, отработав, в запас.
Я чего-то стыжусь, а по сути
Мне бы надо гордиться за вас.
Мы сидим словно перед заданьем...
И как в муке кричим родовой.
Так давайте же песню затынем –
Этот хриплый припев фронтовой.
Мы бывали пьяны и тверезы:
Сколько чаш – этих горьких цыкут!..
Мы поем, и серьезные слезы
По серьезным морщинам текут. (*Е. Винокуров. Моего поколения люди...*)
Мы – последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники.
Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.
Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так что ноги в рубцах до колен.
Но в конце прохрипим не проклятья –
О любви разговор поведем.
Мы – последние века.
Мы – братья
По ладони, пробитой гвоздем.
Время быстро идет по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.
Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники.
Мы из-под елок,
Мы – последняя нежность войны. (*В. Костров. Мы – последние этого века*)

В воспитательном отношении речь идет не о принудительном приобщении молодого поколения к прошлому, а о привлечении поэзии как аргумента к тезису о том, что духовная связь между поколениями не может быть прерванной. Именно эта связь обеспечивает прочность русского культурного кода, основанного на общности.

Итак, процесс моделирования структуры лирического героя осуществляется в неразрывности *я* и *мы*. Лирическое *мы* являет высокую степень общности людей, сформировавшуюся в физическом мире. Но синергетика этой общности столь велика, что *мы* физическое неизбежно трансформируется в *мы* этическое, мировоззренческое и – главное – передающее идею единения как высшую ценность человеческих взаимоотношений. Хочется надеяться, что неделимое *мы* останется в составе русского культурного кода, и поэзия продолжит быть гарантом его сохранения.

Список использованной литературы:

1. Борисова, Е.Г. Трансформация ценностно-смыслового кода в языке молодежи / Е.Г. Борисова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2. – С. 138–143.
2. Гранева И.Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И.Ю. Гранева. – Нижний Новгород, 2022. – 498 с.
3. Норман Б.Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия / Б.Ю. Норман // Russian linguistics. – 2002. – № 26 (2). – С. 217–234.
4. Норман Б.Ю., Плотникова А.М. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б.Ю. Норман, А.М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (34). – С. 126–138.
5. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика русских местоимений. Коммуникативные сценарии в прозе и в поэзии / Л.Н. Синельникова. Издательство: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 452 с.
6. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика личных местоимений / Л.Н. Синельникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 21–28.
7. Яковлева Е.Л. Опыт философского осмысления инклюзивного человека / Е.Л. Яковлева // Карельский научный журнал. – 2015. – № 4 (13). – С. 12–15.

ГЛ.4. ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛ И ВУЗОВ

Акушэвіч Андрэй Аляксандравіч (A. A. Akushevich), кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры рыторыкі і методыкі выкладання мовы і літаратуры філалагічнага факультэта БДУ (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь) (Minsk, Republic of Belarus); a.akuszevicz@gmail.com